

Владимир КОРКУНОВ

МЁРТВЫЕ ДУШИ ВАДИМА МЕСЯЦА

Вадим Месяц. Испытание архангела Гройса. – М.: Издательство «Э», 2018. – 384 с.

Роман Вадима Месяца «Испытание архангела Гройса»¹ – один из самых нахальных и запутанных текстов, которые я читал за последнее время. Тем интереснее было разбираться в кодах, прошивающих книжное полотно, расшифровка каждого из которых прибавляла не только к знаниям об изображённом автором преапокалиптическом мире, но и о человеческой природе в целом.

Тот рецензент, который открыл роман и прочёл пару абзацев для цитат (я знаю, так делают), действительно может назвать книжку «путевыми заметками», в духе Михаила Бару (хотя я не уверен, что он и Бару читал). Но внешняя фрагментарность – всего лишь приём, маскировка «от идиота», потому что обращается Месяц к читателю, способному воспринять более сложный материал, чем детективный нарратив. Перед нами – фантазмагория, поэма в жанре мистический реализм. А это всегда обманчивый жанр. Та внешне жанровая проза, которая на самом деле большая².

Мистический реализм – узнаваемая, но сдвинутая реальность. Герой Месяца, внешне напоминающий автора (это, конечно, образ), оказывается в стране, внешне напоминающей Белоруссию. Поначалу всё происходит как в фильмах Сэма Рэйми – бытовые/путевые сцены, диалоги, локации. Вроде бы ничего примечательного, но от главы к главе нарастает ощущение тревоги. Это происходит благодаря непонятным поначалу событиям: ночью на заправке японские коммунисты (!) просят подкинуть девушку до аэропорта за десять тысяч баксов (нужно сделать крюк, но небольшой) и малюют странный иероглиф на дверце машины, от вида которого люди то пускаются наутёк, но начинают бить поклоны. (Иероглиф – символ абсолютной власти – герой смоев на автомойке, отказавшись от роли бога.) Знак появился во второй главе, а вторую сюжетную зацепку³ Вадим Месяц отложил аж до седьмой. В Поставах, на стенде «Они позорят наш район», протагонист видит фотографию давно погибшего друга Гарри. А когда после похода в магазин решает проверить, не обознался ли он, оказывается, что фото на стенде нет. Тогда-то он начинает понимать: Белоруссия за ним следит.

Тема близящегося апокалипсиса пронизывает роман, саспенс нарастает. Вскоре герой встречает с Гарри в деревянном ресторане «Соловьиная роща»: «Матвей Самуилович Грауберман <..> в форме официанта. <..> Я был на его могиле». Божественный конструктор соединил разорванные в автокатастрофе части Гарри: руки, ноги, голову. Новая версия унаследовала повадки старой (интонации, любимые фразы), но героя «оживший мертвец» не помнил. Гарри оказался первым, но далеко не последним воскресшим: «Мои любимые покойники начали являться мне на здешних дорогах пару месяцев назад». Эту фразу следует понимать и как часть сюжета, и как метафору. Покойники, если речь о не о тотальном фикшне, оживают всякий раз, когда воплощаются в образ. Есть в этом что-то от миллеровской «Книги о друзьях». Только у Месяца не эссе.

¹ Первая (журнальная) публикация: *Месяц В.* Легион архангела Гройса // Урал. – 2015. – №№ 2, 3; <http://magazines.russ.ru/authors/m/mesyats/>.

² Это вообще свойство хороших как бы «жанровых» книг – нечто подобное я писал ранее о романе Марии Галиной «Автохтоны».

³ Если говорить, конечно, именно о мистическом нарративе: от иероглифа до архангела-Рэмбо.

А истории Гарри, Гройса или Сашука (он в «Гройсе», правда, только упомянут), являются сквозными, то есть перетекают из книги в книгу.

В «Стриптизе на 115-й дороге» герой вместе с *живым* Гарри воровал матрасы, в обмен на которые они получали (у пунктов сдачи тряпья) книги. В «Искушении архангела Гройса» *воскресший* Гарри как будто излишне упорно отказывается вспоминать об этом эпизоде из детства. Процесс узнавания (он происходит постепенно, люди будто бы заново знакомятся и учатся доверять) – из разряда психологии, особенно когда герои воскрешают в себе – и это ещё одна цепочка воскрешений – травмирующий, перерождающий опыт. Главный герой ведь тоже переродился – бежал в Белоруссию из России, где сменил фамилию и имя. Благо родни у жены – половина Синеокой.

Символы преследуют на каждом шагу. Причём чем дальше, тем больше воинственной чертовщины. Даже во сне – война крестов: «Из-под земли, разрывая зелёный плодородный слой, медленно и неумолимо начинают расти каменные кресты. <...> Со страшным скрежетом рухнул крест, стоявший метрах в десяти справа: его выдавил из земли другой, более мощный и жизнеспособный». Это уже обещает некий микс из Гоголя – мёртвые души и пляски всевозможной нечисти. Кстати, о плясках. Мозаика рассказов превращается в (остро)сюжетную линию во время празднования Купалы, который, как известно, в *чести* у нежити – от ведьм до бесов. Даже архитектоника у романа бесовская, почти законченная пентаграмма: четыре кунсткамеры (вставки-переходы между приключениями героя) и пять сюжетных блоков. Ну или девять (4+5) кругов ада – кому как удобнее.

Кстати, о кунсткамерах. Поначалу они кажутся абсолютно чужеродным элементом, ну вот как бы были у автора другие мистические местечковые рассказы о Белоруссии, в сюжет не лезут, а выбросить жалко. Но потом понимаешь, что каждая из них помогает найти ответ на главную загадку книги: что, чёрт возьми, здесь происходит?⁴ Ключевое слово, разумеется, чёрт. Раз за разом Месяц изгоняет беса, устанавливая в конце каждой кунсткамеры (в виде небольшой главки) Поклонный крест – их, как известно, ставили на месте уничтоженных языческих идолов. Причём возникает Поклонный крест после, как правило, проявленных чудес: в первой кунсткамере это, например, исцеление («Ключ и кастет»), дарованная рыба («Ихтиандр»), пусть временное, но воскрешение («Мама Ава») и др. Беларусь, таким образом, становится едва ли не новой землёй обетованной, во всяком случае, священной: «Кресты стоят повсюду, у каждого посёлка, превращая родную Беларусь в храм под открытым небом».

Празднование Купалы – тот внутренний романский Рубикон, после которого магический реализм приобретает элементы экшна. Мало того, что во время скитаний по поляне герой в третий раз встречается Гарри, так ещё и спотыкается о прикорнувшего на берегу... покойного Михаила Гройса. (Мистика от Вадима Месяца, кстати, весьма весёлая: герой едва не разможил ногой воскресшему голову.) Наконец, на пути домой героя пытаются прикончить – подстрелить из ружья. Эпизод охоты на протагониста кажется вторичным для структуры романа, однако это не так.

Нападение произошло неподалёку от дома Теляка, на которого работали воскресшие друзья Сергея (и будет работать он сам) – практически сразу после того, как Гройс притащил с местного кладбища непонятный камень с загадочными письменами. Пусть в этот раз нападение объяснялось бытовыми причинами (местный националист решил пристрелить инакомыслящего), но в будущем каждое соприкосновение с загадочными булыжниками будет резонировать надвигающейся опасностью.

⁴ Особо внимательные читатели заметят: угорь-гигант в главе «Ихтиандр» (во всяком случае, так окрестил «чудовище» водолаз-рыбак Андрей) – это явившийся к герою в самой концовке книги местный бог Живойт, василиск, который охраняет последний из сакральных камней.

Месяц мастерски пугает читателя. Где мистика, а где «реальная» жизнь – поди разберись. Это, конечно, элементы детектива. Читатель вслед за героем пытается разобраться: только не кто убил, а кто воскресил.

Один из рецензентов очевидно-банально окрестил «Искушение архангела Гройса» постмодернизмом от головы. Без головы не обходится даже лирическое стихотворение, а постмодернизм – обязательное условие любого текста, написанного в XXI веке. (Простите, что напоминаю очевидное.) Отсюда и фрагментарность, и неопределённость, и выход репрессивных представлений о романе. И множественность трактовок. Одно из прочтений, тревожащих на протяжении всего текста – где находится герой? Жив он или нет? Лестница в небо, на которой Сергей спасается от снайпера, – намекает на *возможную* смерть. И на попадание в рай на земле, о котором вскоре заходит речь.

Александрю Григорьевичу удалось осуществить народные чаяния, реализовать великий замысел. Мы превратим нашу республику в земной рай. <...> Мы в такой ситуации, что и мертвые встают, чтобы нам помочь. <...> Все четырнадцать республик нашего Союза предали дело социализма, повелись на сладкий пряник... Обесчестили себя. Разрушили промышленность, бесплатное образование и медицину. Зачеркнули подвиг отцов. Забыли про Берлин. Про космос. Забыли и тут же подверглись Вавилонскому столпотворению. А мы не повелись! Мы. Белорусы. Поэтому в нашей стране стали воскресать люди со всех просторов нашей необъятной Родины. <...> Мы построили рай! Царство небесное, совпавшее с царством земным.

Все коммунисты попадают в рай, не иначе.

Поэтому герой романа отчасти – герой Шрёдингера. (В пользу этой версии говорят и встречи с умершими близкими друзьями и первой любовью).

Вадим Месяц как будто специально играет с религиозными чувствами читателя. Божье воинство, как выяснилось, развернуло ставку не у ортодоксов или латинян, а в оккультной секте. Сектариархом/магистром (ну или местным «богом Кузей») назначен Теляк, под началом которого служит протагонист сотоварищи, в том числе Гройс. Архангел Гройс. Архангел Михаил. Очевидно, что максима «делай что хочешь, только в храме не танцуй» – не про Вадима Месяца. Но вообще-то, ловить покемонов в храме – давняя традиция русской прозы. «Сказка о попе...» Пушкина, гоголевский канон, упыри А.К. Толстого, «Мастер и Маргарита» Булгакова... Вадим Месяц никого не оскорбляет – он создаёт альтернативную реальность (ещё один привет постмодернизму). И поднимает тему религии скорее в философском измерении. Роман – это ведь ещё и предостережение, сатира на тех, кто строит рай на земле. Апостол Павел писал: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти». «Искушение архангела Гройса» – это антикоммунистический роман. Единственный отрицательный герой книги (Месяц вообще не склонен давать оценку героям, в каждом присутствуют как положительные, так и отрицательные стороны) – снайпер Максим Шаблыка, который «занимается отстрелом коммунистов, перешедших на сторону демократии». Инквизитор от Маркса. Ну а герой с кротостью Христа подставляет вторую щеку, прощая покушение. Во всём этом видится сатира в духе Салтыкова-Щедрина. Неудивительно, что сам автор в одном из постов на Facebook назвал роман чокнутым. Ну да, так и есть. Жанр – это условности, шаблон, в который критик встраивает книгу. Но вообще каждая настоящая книжка – вещь в себе. Свой жанр. Как и роман Вадима Месяца.

Стилистически у Вадима Месяца на вооружении весь арсенал фикшн-приёмов. Это и повышенное внимание к деталям, отчего некоторые рассказы/главы кажутся перенасыщенными. Даже у случайных попутчиков, например, у старика, которого герой подбрасывает до дома, на пути в Беловежскую пушу, в заглавнике несколько историй и

система мировоззрения. Вкрапления юмора – иногда на грани фола: «Я сорвал большой боровик у края дороги, за что получил возмущённое замечание экскурсовода. – Вы нарушаете экологический баланс. Здесь ничего нельзя трогать! – Извините, не знал, – ответил я девушке и воткнул гриб на место». Образный, но при этом точный язык: «Я просто чувствовала, как и у неё в горле пересохло от моего бега, и она выростала прямо на глазах, и я бежала прямо в её лицо...» И – фирменная черта – пуанты в конце глав/рассказов, но это не процитируешь.

Чем же занимается «окультурная секта» Теляка? Устанавливает по всей Беларуси на местах силы камни с надписями на енохианском, якобы языке ангелов, способном колебать пространство-время. Беловежская пуца, музей Белой Вежи (Каменецкая башня), замки, кладбища... Цель (которая до последних страниц скрыта; Месяц как будто специально дурачит⁵ читателя) – подготовить второе пришествие. А попутно возродить Великое княжество Литовское⁶ – Теляк на поверку тоже оказался националистом, только литвинским. И это из разряда сатиры: дела небесные и дела земные. Служба Богу большому и богу маленькому. Вера и безверие, магия и реальность сплелись в такой узел, что разрубить/распутать его может разве что помесь Александра Македонского с Шерлоком Холмсом. В самом деле. Проезжая по Браславу, герои обращают внимание на герб города – «магический глаз, вписанный в масонский треугольник». Ну, а магия енохианского языка в книжке убивает любителей всмотреться в иероглифы/орнамент на булыжниках: «Некоторое время милиционер стоял, всматриваясь в фигуры орнамента <...> и, наконец, рухнул замертво».

По ходу романа происходит всё больше странностей⁷ и воскресает всё больше людей – и приятелей Сергея («Я не был больше уверен, кто из людей, встреченных на моём пути, жив, а кто уже побывал за чертой»), и знаменитостей вроде Сахарова и Солженицына. И тут сатира: диссиденты-антисоветчики возродились в последней «красной» стране Европы. Даже о возможном воскрешении Ленина есть намёк. Но бригада Теляка готовит *не это* второе пришествие.

Многослойность текста подтверждается маятником добра и зла. До последних страниц непонятно, Бог воскрешает людей или Сатана? Кто такой Гройс: архангел или чудовище? «Преследователь отчётливо заскрипел зубами за моей спиной. Я посмотрел на него. Мужчина вынул руки из карманов. Они оказались длинными, почти до земли. <...> “Остановить Гройса, остановить Гройса”, – стучала в голове глупая фраза, написанная мною на стене когда-то в юности». Ещё одна загадка книги – застывшие 9:11 на часах героя. По нумерологии, между прочим, девятка означает всемогущество, а одиннадцать – цифра злого духа (а герой, если что, отчасти «святой дух»: все особи женского пола, с которыми он переспал по ходу романа, зачали от него, даже покойница). 9.11 – это и мольба о спасении (телефон спасения 911), и день, когда самолёты с террористами прошли Всемирный торговый центр... Но если обратиться к священному писанию, в девятой главе Откровения Иоанна Богослова, стихе одиннадцатом, читаем: «Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион (*губитель*. – **В.К.**)». Царь – это, разумеется, дьявол. Он же дракон или змий, об этом тоже писал апостол:

⁵ Так, скажем, в одной из кунсткамер за енохианский поначалу выдан румынский язык.

⁶ Это ещё одна «земля обетованная», созданная во времена короля Литвы XIII века Миндовга. Или та же самая, ведь один из второстепенных персонажей романа оговаривается: «Он считает себя князем Миндовгом, создавшим литовское государство Беларусь».

⁷ Люди встречают двойников, заброшенные дома оживают, в магазинной примерочной возникает портал и др.

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали [против них], но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Откровение Иоанна Богослова. Глава 12, стихи 7-8

Центральный конфликт книги – священная в прямом смысле война, которую ведут архангел Михаил с группой воинственно настроенных ангелов против сил зла: Дракона и Зверя. Зверь – знаменитые кабаны из Беловежской пуши. Они нападают на командос Теляка, когда те добираются до предпоследнего булыжника – в Зоне отчуждения. (Припозднились, не сориентировались, бывает). Камни, которые Теляк, как выясняется, не только развозит по местам силы, но и разыскивает с тем же маниакальным упорством – обломки метеорита с надписью на енохианском (или алфавитом языка ангелов), который тысячу лет назад швырнул на Землю Бог: «Чем, собственно, метеорит отличается от бомбы? <...> Только тем, что бомбу кидает враг, а метеорит – Бог. <...> Однажды они (буквы или слова. – **В.К.**) должны сложиться в слова, от которых зависит наше будущее и прошлое». Божественная сила камней помогает архистратигу воскрешать пригодных для службы покойников: «Они поднимают из могил всех, кто годится на подмогу. Нас для священной войны слишком мало».

Последнее сражение новые неудержимые ведут у нарочанского озера (того самого, куда погружался ихтиандр) – там находится последний камень, там же засел искомый дьявол, змей Живойт. Победа над зверем – и кульминация сюжета (внезапно!), и его концовка. Почему точка высшего напряжения сдвинута на последние страницы, становится понятно, если вникнуть в символику текста. Вадим Месяц уклончиво отсекает героя от последующих событий: «У архангела Михаила огромное воинство. Мы с Гарри своё отслужили». Почему недоволенные души и верующие стекались к озеру? Почему именно там засел змей? Автор зашифровал ответы в тексте. Чтобы подобрать код, обратимся теперь уже к двум апостолам. В «Откровении Павла» говорится, что именно охранял Живойт: «И сказал я архангелу: “Что сие, господин мой?”. И говорит он мне: “Сие есть Ахеронтово озеро, внутри же его – град Божий”». Иоанн дополняет: Небесный Иерусалим. Вход в Царство Небесное. Искомый рай.

И последнее. Сергей с Лолой (и этим заканчивается текст) ждут ребёнка, девочку. К непорочности зачатие отношения не имеет, но автор как бы намекает, что в дело *могли вмешаться* высшие силы. Жена на прощание бросает герою: «Ребёнка ты ждёшь от дьявола». Это ещё один ребус Вадима Месяца, которые следует прочитывать так: «Послушай женщину и прочитай наоборот» (простите за невольный сексизм). Второе ли это пришествие или многозначительный пуант от Вадима Месяца – решать читателю.